

"BÜCHERTREFF"

Тарас Фисанович

Н. В. ГОГОЛЬ

Размышления читателя

WORT СЛОВО מילה

2009

2009 год назван ЮНЕСКО Годом Гоголя в связи с празднованием его 200-летия

Виктор Черномырдин: Гоголь - соединение украинской и русской культур. Появление его мемориала в России так же необходимо, как создание в Москве музея Булгакова, еще одного писателя, оказавшегося "меж двух стран". Гоголь - исконная душа наших народов. То, что он написал, свидетельствует, что русские и украинцы не генетически разные, а родные друг другу. Можно долго рассуждать о том, у кого из нас больше угро-финских примесей, у кого - персидских, но корни у нас совместные. Они проросли сквозь Гоголя.

"Российская газета" - Центральный выпуск №4095 от 19 июня 2006 г.

Гоголь был странным созданием, но гений всегда странен: только здоровая посредственность кажется благородному читателю мудрым старым другом, любезно обогащающим его, читателя, представления о жизни. Великая литература идет по краю иррационального.

В. Набоков

Н. В. ГОГОЛЬ

Размышления читателя

Николай Васильевич Гоголь-Яновский... Моё знакомство с его произведениями произошло в восьмилетнем возрасте. Летом 1947 года бабушка Мария Израилевна Шехтер увезла меня из северного Ленинграда в Одессу, где солнце и море должны были наполнить внука энергией на всю зиму. В Одессе бабушка жила в коммунальной квартире на улице Гоголя, неподалёку от Главного почтамта. Этажом ниже проживала семья генерала. Его старший сын Юра воевал, был ранен и вернулся домой без левой руки. С младшим сыном Костей, перешедшим в десятый класс, я, насколько позволяла разница в возрасте, состоял в дружеских отношениях.

Каждое солнечное утро после завтрака братья выкатывали из подвала дома огромный, на три сиденья, трофейный мотоцикл – тягач горного артиллерийского орудия. Однорукий Юра садился за руль, Костя устраивался сзади. Среднее сидение предназначалось мне. Чтобы мощь мотора, помноженная на бесчисленные ухабы мостовой и потенциальную энергию жёстких амортизаторов, не катапультировала сидящего между братьями легковесного пассажира, Костя животом накрепко прижимал меня к спине Юры. С диким грохотом мы мчались в Аркадию по Французскому бульвару (если не ошибаюсь, тогда носившему имя Сталина). Стараясь перекричать рёв мотора, братья орали какую-нибудь залихватскую песню. При этом Костя дирижировал обеими руками, попутно успевая озорными словами и насмешливыми гримасами задирать проходящих по улице девчат. Их ответная реакция вызывала у обоих братьев бурное веселье. Я же, сплюснутый почти до полной остановки дыхания между двумя богатырского сложения седоками, вынужденно соблюдал приличия.

В относительно малолюдной Аркадии тех лет братьев ожидали девушки. Молодёжь

Иллюстрация Сергея Тюнина к поэме Н.Гоголя "Мёртвые души"

попарно разбредалась по одичавшему за время войны парку, находя укрытие на песке меж прибрежных валунов, а я, предоставленный самому себе, упорно овладевал техникой плавания "по-собачьи". На улицу Гоголя меня возвращали прожаренного солнцем, просоленного морем, взбудораженного сумасшедшей ездой. А после обеда начиналось то, чего я ожидал весь день: бабушка вслух читала рассказы Гоголя. По-видимому, фантастика гоголевских рассказов хорошо сочеталась с необычностью тогдашней моей одесской жизни и потому прочно осела в детской памяти. Ежедневно бабушка открывала мне то "Вечера на хуторе близ Диканьки", то "Вия" из "Миргорода", то совершенно непостижимую на тот мой взгляд повесть "Нос". Особенно запомнилось, как бабушка, одновременно смеясь и плача, читала "Записки сумасшедшего". Тогда же я сам с упоением "проглотил" "Тараса Бульбу", как-то незаметно для себя прощая Гоголю антисемитские высказывания. Проникновенная образность персонажей и восхитительная героика событий были главным, захватывающим воображение моментом. Благодаря бабушке я полюбил Гоголя на всю жизнь, и эту любовь потом не смогли разрушить нудные комментарии к "Мёртвым душам", "Ревизору" и прочим его произведениям, обязательным для школьного чтения.

Новые события и новые книги не оставляли времени для перечитывания сочинений Гоголя. Нет, я не разлюбил его и не забыл яркое впечатление от его рассказов, но к книгам Гоголя не возвращался. Прошло много лет. В июне 2008 года мне повезло услышать посвящённое творчеству Гоголя сообщение петербургского профессора В.М.Марковича, сделанное им в Институте славистики Гамбургского университета. Предложенные слушателям обстоятельный анализ и интересные выводы, относящиеся главным образом к поэме "Мёртвые души", извлекли из памяти далёкое детское восприятие гоголевских произведений и побудили перечитать его книги. И вот я на семидесятом году жизни вчитываюсь в произведения Гоголя, заново переживаю повороты сюжета, вдумываюсь в логику повествования и мотивацию поступков его героев, наслаждаюсь неповторимым языком автора. Новое время, другой возраст, иные впечатления и мысли, навеянные прозой, написанной почти две сотни лет назад.

Нравится ли мне теперь Гоголь? Потрясает! Именно восхищение Гоголем побуждает меня сопоставлять его сочинения с произведениями других

авторов, бытописующих жизнь разных слоёв общества в России и в других странах, искать параллели и отличия, пытаться их осмыслить. Конечно, не обходится без вопросов, которые, скорее всего, интересны и нужны мне самому, нежели литературоведам и читателям, обстоятельно вникающим в творчество Гоголя. И всё же попробую их высказать. В основном они относятся к загадкам гоголевских "Мёртвых душ". Это понятно: остальные произведения Гоголя всё-таки более "прозрачны".

Первый вопрос (ответ на который представляется мне наиболее простым и очевидным) относится к национальной принадлежности его творчества. Какими бы ни были современные политические спекуляции на этот счёт, творчество Гоголя представляется мне убедительным примером общности культур украинского и русского народов.

Без сомнения, именно в детских годах следует искать истоки национальных особенностей творчества Гоголя. Родившийся на Полтавщине в семье потомственного украинского дворянина, Гоголь детские годы провёл в Украине. И хотя обучение в Полтавском уездном училище, а затем в Нежинской классической гимназии проходило на русском языке и прививало учащимся основы русской культуры, украинская языковая среда и быт украинского населения естественным образом были запечатлены в национальном самосознании юноши, в последующие годы определив тематику и структуру речи его произведений. Отсюда обострённый интерес к украинской истории и фольклору, отсюда сюжеты его диканьковских и миргородских рассказов, украинские интонации в его лексике, не изжитые за годы пребывания в России и за рубежом.

Сохранённая в русскоязычных текстах, эта украинская тональность придаёт необыкновенную яркость гоголевским рассказам на украинские темы. Она же, на мой взгляд, в известной мере работает против такого же восприятия его

А.И. Куинджи. Вечер на Украине. 1878–1901

Один из самых известных пейзажей, запечатлевший красоту Украины. Свообразное освещение картины, хаты, окрашенные заходящим солнцем, зелень деревьев сродни романтической фантастике Н.В. Гоголя

произведений с русской тематикой. Я, до шестилетнего возраста говоривший только по-украински, испытываю особую нежность к этому образному, красивому и мелодичному языку. Но в центральной и северной России строй разговорной речи иной, чем в Украине, – северяне более скупы на слова. В моём представлении русская речь отличается от украинской относительной краткостью и соответственно большей лаконичностью характеристик и определений.

Это характерное различие русской и украинской речи рассмотрено Гоголем в двух статьях: "О малороссийских песнях" и "В чём же, наконец, существо русской поэзии и в чём её особенность". По Гоголю, русский человек "...немногоглаголив на передачу ощущения, но хранит и совокупляет его долго в себе, так что от этого долговременного ношения оно имеет уже силу взрыва..." Следуя этому выводу, Гоголь в рассказах и повестях на русские темы чаще употребляет относительно короткие предложения. Иным образом представлен язык "Мёртвых душ". Здесь он намеренно пишет длинными фразами, варьируя и дотошно расширяя затронутую тему, а порой и отклоняясь от неё.

Нарочито длинные предложения, подчас занимающие четверть, треть, а то и половину страницы, в конце концов, перегружают внимание и утомляют читателя. Возможно, именно этого и добивался Гоголь.

А.С.Пушкин, подаривший Гоголю сюжет "Мёртвых душ", не мог знать, какими языковыми средствами будет выстроено повествование. Поэтому прочитанные Гоголем Пушкину вслух первые главы этой поэмы, скорее всего, нужно рассматривать как апробацию стиля изложения, нежели детализацию тогда ещё далекой от завершения фабулы. Знаменательная ситуация в русской литературе первой трети XIX века: сошлись её два величайших стилиста. Один читает, другой слушает, постепенно подпадая под магию избранной автором манеры изложения. Результат так описан Гоголем: "...Пушкин, который всегда смеялся при моём чтении,.. начал понемногу становиться всё сумрачнее, сумрачнее, а наконец сделался совсем мрачен. Когда же чтение закончилось, он произнёс голосом тоски: "Боже, как грустна наша Россия!". Столь угнетающее воздействие гоголевского стиля на слушателя удивило и самого автора: "Тут-

то я увидел... в каком ужасающем для человека виде может быть ему представлена тема... Первая часть... поселила во всех отвращение от моих героев... разнесла некоторую мне нужную тоску и собственное наше неудовольствие

на самих нас" (третье письмо из "Четырёх писем к разным лицам по поводу "Мёртвых душ"). Могут возразить, что в первом томе Гоголь описывает по его же определению

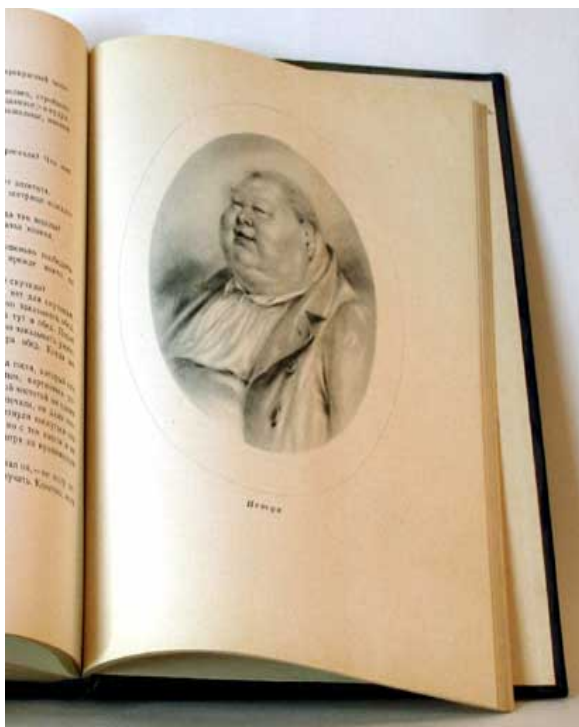
"людей ничтожных", разносторонне освещая "пошлость пошлого человека". Это, действительно, так. И всё-таки не это угнетает читателя. Ведь в других гоголевских произведениях ничтожные и пошлые персонажи вызывают добродушный смех, а порой сочувствие и даже сопереживание. Иное дело "Мёртвые души". Персонажи первого тома не вызывают ни смеха, ни сочувствия, ни сопереживания. Достигнутое автором воздействие на читателя стало, по его признанию, обременительным для него самого: "...Я уже стал думать только о том, как бы смягчить то тягостное впечатление, которое могли произвести "Мёртвые души" (см. третье из вышеупомянутых "Четырёх писем..."). Обсуждение того, как Гоголь попытался осуществить задуманное "смягчение" и чего достиг, лучше сделать позднее, а здесь рассмотреть общую характеристику его персонажей.

Чичиков, Манилов, Коробочка, Ноздрёв, Собакевич, Плюшкин, губернские чиновники разного ранга, провинциальные дамы и немногие представители простонародья – вот действующие лица первого тома. Каждому персонажу в зависимости от его значимости для повествования Гоголь дал более или менее развёрнутую характеристику. Задавшись целью включить в статью гоголевские описания персонажей первого тома "Мёртвых душ" и окружающую их обстановку, я вынужден был оставить своё намерение, для осуществления которого потребовалось бы выписать добрую часть текста поэмы. Да и нужно ли это? Характерные черты гоголевских персонажей многократно обсуждены в исследованиях литературоведов, большей частью относящихся к первому тому "Мёртвых душ".

Чиновники, их жёны, мещане заштатного губернского городишки, помещики и крепостные крестьяне, проходящие перед читателем, и те, которые подробнейшим образом изображены автором, и те,

которые обрисованы в нескольких поголеовски ёмких словах, являют угнетающую картину интеллектуальной, культурной, деловой и нравственной несостоятельности населения провинциальной России. Недалёкого ума,

пустословы, пьяницы, лентяи, бездельники, плуты, взяточники, воры, пошлые и ничтожные. Ни одной положительной личности. Только об умерших крепостных мельком говорится,

что среди них были умелые мастеровые, хорошие кузнецы, слесари, плотники, каретники. Правда, Гоголь утверждал, что содержание первого тома является карикатурой на русскую провинцию ("Мёртвые души"... задели за живое многих и насмешкою, и правдою, и карикатурою..." – в первом из "Четырёх писем..."; "Пушкин, который так знал Россию, не заметил, что всё это карикатура и моя собственная выдумка!", – в третьем письме). Но что же это за карикатура, если даже такой эрудированный и зоркий знаток русской жизни и литературы, как Пушкин, к изумлению самого Гоголя не увидел в этих персонажах признаков карикатурного изображения? Если и мы, спустя без малого двести лет, порой узнаём их черты в повадках своих современников?

Значит, не карикатура? Выходит, что взгляды Гоголя в процессе работы над книгой существенно изменились? В письме к А.О.Смирновой от 25.07.1845 он даёт такое объяснение: "...Вы будете несправедливы, когда будете осуждать... автора, принимая за карикатуру насмешку над губерниями...". Получается, что слово "карикатура" употреблено им для защиты от многочисленных нападок посчитавшего себя осмеянным чиновничества, купечества и помещичье-дворянского сословия. А на самом деле представлена полная и горькая правда о русской действительности. Впрочем, Гоголь предвидел такую реакцию читателей: "Ещё восстанут против меня новые сословия и много разных господ... Уже судьба моя враждовать с моими земляками" (из письма В.А.Жуковскому от 12.11.1836).

Гоголевские типажи основаны на скрупулёзном анализе российских национальных особенностей и потому не встречаются в зарубежной литературе. Действительно, сопоставляя "Мёртвые души" с романами и эпопеями западных писателей, вспоминается лишь один пример отдалённого подобия персонажей: Плюшкин и Гобсек. Надо ли этому

удивляться? Все изображённые Гоголем характеры сложились в условиях крепостного права, пережившего европейские аналоги на сто и более лет. Даже в Америке рабство воздействовало на ментальность иначе, нежели российское крепостное право. В России рабами были соплеменники. Именно это обстоятельство определяло исключительно российские общественные, внутривнутриполитические и экономические особенности. Оно же формировало присущее гоголевским героям сугубо потребительское отношение к личности отдельного человека, к российскому обществу и жизни страны в целом.

Вчитываясь в первый том, приходишь к мысли, что что-то не сходится, не укладывается в сознании, заставляет усомниться. Если в стране всё так безысходно, скверно и безнадежно, то кто же защищал Россию в 1812 году, да и в других многочисленных войнах XVIII-XIX веков? Уж не те ли пошлые крепостники в офицерских мундирах и недалёкие крестьяне в солдатских шинелях (в большинстве своём из глухой российской глубинки) уничтожили лучшую армию мира во главе с ранее неизменно победоносными полководцами? Не вяжется одно с другим. Ничтожность русской жизни гоголевских времён, изображённая в поэме, вступает в противоречие с реальными достижениями страны. Выходит, что столь впечатляюще представленные Гоголем недостатки являются заведомо односторонней характеристикой России. "Уже давно занимала меня мысль *большого сочиненья*, в котором бы предстало всё что ни есть и хорошего и дурного в русском человеке, и обнаружилось бы перед нами видней *свойство* нашей русской природы" (письмо В.А.Жуковскому от 10.01.1848, курсив Гоголя). Таким образом, в следующем томе планировалось изменение тональности повествования.

Работая над "Мёртвыми душами", Гоголь не мог не задумываться над несоответствием между нарисованной им

намеренно сгущёнными красками и реальной жизнью в России. Но продолжал писать. Тогда всё-таки карикатура? Однако какая-то необычная карикатура, так узнаваемо изображающая некоторые типичные черты российской действительности, что даже самый вдумчивый читатель не усматривает в ней карикатуры. На это противоречие обратили внимание и современники Гоголя. Отвечая им, он пишет: "Не спрашивай, зачем первая часть должна быть вся *пошлость* (курсив Гоголя), и зачем все лица до единого должны быть пошлы: на это дадут тебе ответ другие томы" (см. третье из "Четырёх писем..."). Поэма у Гоголя получалась действительно многотомной, ибо в одном томе ему явно не удалось даже близко подойти к раскрытию её замысла. "Начал писать "Мёртвых душ". Сюжет растянулся на предлинный роман..." – пишет он Пушкину 07.10.1835. Да и второй том, если судить по сохранившимся его фрагментам, содержит лишь немного, приближающее нас к пониманию гоголевского плана. "...Бывает время, что даже вовсе не следует говорить о высоком и прекрасном, не показавши тут же ясно, как день, путей и дорог к нему для всякого. Последнее обстоятельство было мало и слабо развито во втором томе "Мёртвых душ", а оно должно быть едва ли не главное; а потому он и сожжён" – поясняет Гоголь в четвёртом из вышеупомянутых "Четырёх писем...". Неужели главная интрига поэмы навсегда останется нам неизвестной? Ответом на этот вопрос может явиться объяснение одного из самых загадочных парадоксов гоголевской поэмы. Напомню, Гоголь в письмах друзьям несколько раз вскользь упоминает о некоей загадке, заложенной им в сюжет многотомных "Мертвых душ" ("Никому не сказывайте, в чём состоит сюжет "Мёртвых душ"... Только три человека: вы, Пушкин да Плетнёв должны знать настоящее дело" – в письме к В.А.Жуковскому от 12.11.1836. "Это, покамест, ещё тайна, которая должна была вдруг, к изумлению всех (ибо ни

одна душа из читателей не догадалась), раскрыта в последующих томах..." – из письма к А.О.Смирновой от 25.07.1845). Попробую сформулировать некоторые догадки. Если в первом томе сосредоточена "вся пошлость" российской жизни, а во втором обозначены светлые стороны и позитивные деловые качества отдельных прогрессивных русских помещиков, купцов и чиновников, явно противопоставляемых персонажам первого тома, то, казалось бы, и делу конец. Прогрессивное торжествует, автор показывает эффективные силы, противостоящие разрушающей страну недееспособности худших её представителей. Таким образом, светлое будущее России как будто определено. Но ведь Чичиков, смертельно напуганный нависшим над ним судебным разбирательством, выходит из тюрьмы не честным способом, как это вроде бы намечалось, а благодаря подкупу офицера полиции, и не становится на путь исправления, а, по сути дела, бежит от следствия. То есть победы добра над злом так-таки и не произошло. Тут уместно вспомнить слова Гоголя о планах изложить события в *многотомном* сочинении. Следовательно, дальнейшее развитие событий должно разворачиваться в следующем, третьем томе поэмы. Профессор Маркович в статье "Парадокс как принцип построения характера в русском романе XIX века" (в сб. статей "Парадоксы русской литературы" под ред. В.Марковича и В.Шмида. СПб, ИНАПРЕСС, 2001), показывая парадоксальные свойства характера Чичикова, заметил, что поскольку полного объяснения его особенностей нет ни в первом, ни во втором томе, следовательно, "...обретение ясности было опять отложено – до третьего тома" (с.166). Самым большим парадоксом "Мёртвых душ" представляются яркие лирические отступления, вкрапленные в текст первого тома. Приведу цитаты из наиболее впечатляющих. "...Уж куды бывает метко всё то, что вышло из глубины Руси, где

нет ни немецких, ни чухонских, ни всяких иных племён, а всё сам-самородок, живой и бойкий русский ум, что не лезет за словом в карман, не высиживает его, как наседка цыплят, а вlepливает сразу, как паспорт на вечную носку" // "Русь! Русь!.. Здесь ли, в тебе не родиться беспредельной мысли, когда ты сама без конца? Здесь ли не быть богатырю, когда есть место, где развернуться и пройтись ему?" // "Не так ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка, несёшься? Дымом дымитесь под тобою дорога, гремят мосты, всё отстаёт и остаётся позади... Русь, куда ж несёшься ты, дай ответ? Не даёт ответа. Чудным звоном заливаются колокольчик; гремит и становится ветром разорванный в куски воздух; летит мимо всё, что ни есть на земли, и, косясь, посторониваются и дают ей дорогу другие народы и государства".

Эти прекрасные, глубоко волнующие и необыкновенно эмоциональные фразы восторженно декламируют апологеты России. Но, перечитывая их, приходишь к выводу, что они никак не вытекают из фабулы первого тома. В самом деле: покорно принимающие все формы помещицкой тирании, безынициативные, ленивые, пропивающие в кабаках последний грош, вороватые и грязные крестьяне; постоянно беременные простолюдинки, привычно грызущиеся между собой и тупо глазеющие из окон на проезжих, и вдруг "живой и бойкий русский ум" и "беспредельная мысль"? И о каких богатырях идёт речь, если, к примеру, помещик Плюшкин "всех людей переморил голодом", да и у других крепостников положение крестьян ненамного лучше. Разве что среди убежавших в бурлаки, да и тех того и гляди переловит полиция, выпорот и вернёт в помещицью кабалу. А что касается России середины сороковых годов XIX века, от которой якобы "посторониваются и дают дорогу другие народы и государства", то вскоре разразившаяся Крымская война 1853-1856 гг. показала катастрофически большое экономическое, техническое и военное

Собакевич

Коробочка

Ноздрев и Чичиков

Губернское общество

Плюшкин

Иван Антонович Кувшинное Рыло

Манилов

Дамы города NN

отставание России от Запада. Так что слова о могуществе России в устах жившего тогда в Европе Гоголя более чем странны. Гоголь и сам понимает это: "Я предчувствовал, что все лирические отступления в поэме будут приняты в превратном смысле. Они так неясны, так мало вяжутся с предметами, проходящими перед глазами читателя, так невпопад складу и замашке всего сочинения, что ввели в равное заблуждение как противников, так и защитников" (второе из "Четырёх писем...").

Зачем тогда написал? Изобразив в первом томе всё "дурное" в русском человеке, Гоголь во втором томе был намерен отразить представления благонамеренных отечественных мечтателей "о высоком и прекрасном", а также "путей и дорог к нему" (см. четвертое из "Четырёх писем..."), что обеспечило бы процветание Российской империи. Скорее всего, поэтому, готовя читателя ко второму тому, он ввёл в текст первого тома вышеприведённые панегирики.

Талантливому литератору порой удаются пророчества (всё-таки обострённая наблюдательность, ясный аналитический ум, глубокое постижение психологии, большая эрудиция), но в качестве преобразователя государства писатель редко бывает удачлив. Ведь идеи Кампанеллы, Мора или, к примеру, писателей послегоголевских времён - Чернышевского и Солженицына так и не нашли применения. Преобразование страны - поле деятельности профессиональных экономистов и политиков. Приступая ко второму тому "Мёртвых душ", Гоголь, возможно, испытывал соблазн стяжать лавры "обустроителя Отечества". Но, будучи проницательным и ироничным исследователем человеческих слабостей, он в процессе работы сумел избежать этой ловушки.

Используя наработанный в первом томе приём, Гоголь и во втором томе для освещения различных сторон российской действительности прибегает к тщательно

замаскированному карикатурному их изображению. Деловитые и преуспевающие помещики Костанжогло и Василий Платонов, скучающие бездельники - предтечи Обломова - Тентетников и Платон Платонов, промотавшиеся Петух и Хлобуев, солдафон и хам отставной генерал Бетрищев, непоколебимый законник князь генерал-губернатор, которого подчиненные, однако же, легко водят за нос, и резонёрствующий миллионщик Муразов как бы продолжают галерею персонажей первого тома. Только теперь они подчёркнуто приукрашены, представлены со знаком "+". Похожи и представительницы женского пола во втором томе, единственно отличающиеся от дам первого тома прописанной им симпатичной внешностью и простотой манер.

Чем-то знакомым и тривиальным отдаёт речи о пользе труда, воздающего сторицей за прилежание, о необходимости нравственного самосовершенствования, об обязанностях помещика перед государством и "опекаемыми" им крепостными и т.п. И в первом, и во втором томах можно встретить как внешне благополучные, так и разорённые деревни. Тонко завуалированную иронию в отношении восторгов одиозных русофилов можно увидеть при сопоставлении картин природы, барских усадеб и крестьянских селений. Всё то же самое, разве что к унылым пейзажам маниловского или плюшкинского поместья или деревни Собакевича стоило добавить несколько хвалебных эпитетов, и получалась картина усадьбы благополучного помещика из второго тома.

Именно в замене отрицательных эпитетов на положительные проглядывает гоголевская насмешка. Она же ощутима при сравнении эпизодов рыбной ловли или в облиии дворовых в первом и втором томах. Остаётся неизменным крепостничество, что недвусмысленно подчёркнуто в разговоре "положительного" помещика

Костанжогло с просящимся к нему в кабалу мужиком.

Только дважды во втором томе Гоголь не удерживается от откровенного сарказма. Так, высокообразованный, культурный Костанжогло не сдерживает яростной брани и в гневе неоднократно плюёт на пол (!). А описание сельского самоуправления и нелепой бюрократической машины в имени полковника Кошкарёва не только гротескно – этакая крепостная демократия (!), но и совершенно неожиданным образом может напомнить советским согражданам наши недавние колхозы или совхозы. Что это, гоголевское предвидение?

Работая над вторым томом, Гоголь, без сомнения, отчётливо представлял себе несоответствие реальной обстановки в России сделанным в первом томе авансам. Окариатуривая российскую действительность и гиперболизируя её критику (первый том), Гоголь во втором томе тонкой иронией дистанцируется и от фанфаронства ура-патриотов. Это подтверждают несколько горьких и прозорливых фраз в четвёртом из "Четырёх писем..." (1846 г.). Приведу их полностью: "Вывести несколько прекрасных характеров, обнаруживающих высокое благородство нашей породы, ни к чему не поведёт. Оно возбудит только одну пустую гордость и хвастовство. Многие у нас уже и теперь, особенно между молодёжью, стали хвастаться не в меру русскими доблестями, и думают вовсе не о том, чтобы их углубить и воспитать в себе, но чтобы выставить их напоказ и сказать Европе: "Смотрите, немцы: мы лучше вас!" Это хвастовство – губитель всего. Оно раздражает других и наносит вред самому хвастуну. Наилучшее дело можно превратить в грязь, если только им похвалишься и похвастаешь. А у нас, ещё не сделавши дела, им хвастаются, – хвастаются будущим!"

Вот и скажите теперь, что нет пророка в нашем отечестве! Конечно, не тяжёлая болезнь и связанное с ней угнетение

душевных сил побудило Гоголя уничтожить второй том. В процессе работы над вторым томом возникли непреодолимые противоречия между новыми, взвешенными, и прежними, мажорными, патриотическими представлениями. Чем-то предстояло поступиться. Пятилетний труд не подлежал коррекции в принципе. Выходом из создавшегося тупика явилось сожжение рукописи. Решение мужественное. И всё-таки жаль. Может быть, с этой утратой последующие поколения невосполнимо лишились возможности приобщиться к моральным ценностям, открывшимся Гоголю.

Для разгадки общего замысла Гоголя необходимо принять во внимание, что главному действующему лицу – Чичикову в предполагаемом третьем томе (см. вышеупомянутую статью проф. Марковича) предстояло перебраться в Сибирь. Это весьма существенное обстоятельство: в изобилующей природными ресурсами Сибири не действовало крепостное право. Возможно, на этом фоне многократно терпевшему неудачи проходивцу Чичикову следовало пройти тернистый путь эволюции и к концу поэмы выступить в положительной роли устроителя страны. Однако такой вариант сюжета представляется маловероятным. Уже в самом названии поэмы "Мёртвые души" по определению заложено негативное развитие событий. Да и неугомный авантюризм Чичикова, его прямо-таки "героическое" (В.М.Маркович) стремление всеми правдами и неправдами нажать состояние вряд ли изменится под ударами судьбы. Наоборот, невзгоды только закалят, придадут опыт и недостававшую в предыдущих двух томах осмотрительность и, вполне возможно, толкнут на конфликт уже не с местными представителями закона, а с властями государственного масштаба. Этому предположению не надо удивляться. Различные примеры конфликтов личности и государственной власти в российской истории и русской литературе уже

имелись: Пугачёв, Радищев, декабристы, в годы написания "Мёртвых душ" отбывавшие сибирскую каторгу, Чаадаев, Герцен, петрашевцы. Да и у наставника Гоголя Пушкина, что бы ни говорили о его двойственном отношении к властям, были и "самовластительный злодей, тебя, твой трон я ненавижу...", и "...оковы тяжкие падут... свобода вас встретит радостно...", и "Дубровский", и книги о пугачёвском бунте.

Последнее предположение, в принципе, нельзя счесть вздорным. Разумеется, трусоватый и меньше всего задумывающийся о судьбах России Чичиков в революционеры не годился, но ввязаться в какое-нибудь громкое, государственного масштаба, экономическое преступление или с отчаяния пойти по пути капитана Копейкина вполне мог (как-никак возил с собой саблю). Скорее всего, и тут в силу наметившейся в предшествующих томах тенденции после временного успеха Чичикова ожидал крах. Правда, у нас нет никаких данных, чтобы полагать, чем бы

это для него закончилось – гибелью, тюрьмой или каторгой, бегством ли за границу. Однако при таком развитии сюжета становится понятной и гоголевская просьба до времени не разглашать тайну его поэмы (достаточно цензурного запрета "Копейкина"), и слова о многотомном сочинении. Тут трёхтомника явно было мало: на очереди вполне мог стоять и четвёртый том. Но так как второй том был в значительной части уничтожен, то до попытки описать похождения Чичикова в третьем томе и, тем более, до четвёртого тома дело не дошло.

В заключение скажу, что ожидаю упрёков в беспочвенном измышлении гоголевских планов. Но как археолог по обломкам костей и нескольким черепкам воссоздаёт облик и быт исчезнувших поколений, так и автор этой статьи по остаткам рукописи второго тома и некоторым словам и фразам из писем Гоголя попытался угадать ход его рассуждений. Можно ли отказать ему, заинтригованному и восторженному читателю, в этом?

Марка, купон и гашение к 200-летию со дня рождения Н.В. Гоголя

Об авторе

Тарас Фисанович – ленинградец. Родился в 1939 году. Окончил медицинский и политехнический институты. Хирург, кандидат медицинских наук. Стихи и прозу начал писать в студенческие годы. Некоторые произведения опубликованы в России, Германии, Украине, Белоруссии. В Германию эмигрировал в 1999 году. Проживает в Гамбурге.

© "WORT SLOVO מילה". BEILAGE.

Alle Rechte vorbehalten.

Nachdruck nur mit ausdrücklicher Erlaubnis der Redaktion.

Die einzelnen Beiträge geben die Meinung des jeweiligen Autors, nicht unbedingt die Meinung der Redaktion wieder.

Tel.: (040) 3208 6677 E-Mail: jakow.feldmann@t-online.de

Н.В.Гоголь. "Вий"